

Гарольд в Москве под занавес века

Один Башмет на все времена

Проекты Юрия Башмета, которые он осуществил под занавес уходящего года в БЗК, прошли более чем успешно. Альтовая премия состоялась, Гергиев приехал с внушительным арсеналом Мариинского театра, да и башметовские "Солисты" не подвели с программой из премьер. Получилась весьма солидная и профессиональная точка, на которой, однако, летопись нашей музыкальной жизни не оканчивается. Напротив, есть еще и надежды на рождение новых имен, есть, безусловно, кого послушать в родном отечестве, и, как ни странно, есть музыка, в том числе и более чем известных композиторов, которой мы пока не знаем.

Уроки пения

Юрий Абрамович, представляя на заключительном концерте IV Конкурса альтистов членов жюри, не скрывал, что все они, что называется, одним миром мазаны. Потому и не было разногласий при выборе лучших из числа финалистов. Ими стали: Даниил Гришин — I премия, София Лебедь и Аида-Кармен Соанеа (Германия) — II премия, Илья Гофман — III премия. Победитель играл в сопровождении БСО им. П.И.Чайковского (дирижировал сам г-н председатель жюри) "Гарольда в Италии" Берлиоза. Личный альт конкурсанта, по мнению судей, обладал не самым красивым тембром, поэтому для концерта Башмет пожаловал победителю свой, из запасных (Гришин получит в постоянное пользование другой инструмент, из германского альтового фонда Юрия Абрамовича). Судить строго исполнителя не поднималась рука: известно, что струнники привыкают к новым инструментам около двух месяцев. Поэтому некоторые позиционные огрехи, что стали причиной невыровненности регистрового звучания (как будто голос альта еще не обрел единого тембра), оставим за скобками. В безусловные плюсы запишем умение извлекать звук насыщенный, мощный, артистический дар, неординарную музыкальность и темперамент.

Метафизика с театральным оттенком

Мировой премьерой окрестил Юрий Башмет свое совместное выступление с Валерием Гергиевым, чем, вероятно, ввел часть публики в заблуждение по поводу исполняемых сочинений. Конечно, и Концерт для альта с оркестром Альфреда Шнитке, и Вторая симфония Густава Малера звучали со сцен всего мира не один раз. Суть премьеры в том, что произведение Шнитке Башмет и Гергиев играли вместе — именно в Москве — впервые. Впечатление произвели грандиозное — и чувством ансамбля, и ощущением музыки Шнитке, не говоря уже о качестве звучания самого Башмета и оркестра Мариинского театра.

Ю. Башмет

Единственные минусы — потонувшее в оркестровой массе фортепиано (в партитуре этому инструменту поручены немаловажные акценты) и жесткие, звенящие "аккорды клавишин" — несколько утрированная подача тембра.

Вторая симфония Малера в трактовке Гергиева и артистов оркестра и хора Мариинского театра тоже захватила с первых звуков струнной группы, плотным, приглушенным туше вступивших в малеровское шествие первой части. Великолепно звучали духовые, особенно медь, игравшие тембрами как образами-персонажами. Совершенно феерическое ощущение было от двух литавристов, извлекавших из девяти котлов звуки, немислимые по богатству оттенков, и явивших, кроме того, абсолютное совершенство дуэта. В самом выговоре инструментов, в подаче тем, в расстановке фактурных акцентов перед нами предстал истинно театральный оркестр — яркий и ясный по стилю и по мысли. (Жаль, что не хватило мочи музыкантам до конца держать заданную планку — были технические срывы, которые, впрочем, глобально общего впечатления не испортили). Хор, столь же театральный, в контексте ораториально-религиозного финала смотрелся

немного ненатурально. Поддача смысла была с таким акцентом, будто вместо слова "святой" они хотели сказать "очень святой", а вместо "воскресение" — "полное воскресение". Абсолютная чистота малеровского хорального света была раскрашена чересчур интенсивными тонами: нас хотели убедить и немножко в этом переусердствовали. В соло Ирины Джиоевой (сопрано) сила вибрации затеняла мелодическую и смысловую линию: чисто оперная подача партии — профессиональная, но очень крупная. Злата Булычева (меццо-сопрано) еще раз поразила роскошью своего голоса, мощного и собранного, и хотя тембр ее малеровским не назовешь, но культура вокала, глубокое понимание стиля, безусловно, есть плюсы этой певицы.

Малеровская проповедь, светящаяся первозданным светом, музыка, шествующая через все мирские потрясения и приводящая в конце концов к метафизическому ощущению бытия, была сыграна в соответствии с театральными законами. Исполнение стало одной из интереснейших и своеобразных интерпретаций симфонии австрийца, верившего в перевоплощения человеческого духа, — своего рода реинкарнация души симфонической.

"Солисты"

метят в премьеры

Сочинения, собранные Башметом в одном концерте, абсолютно неизвестными не назовешь. Но то, что их до сих пор не играли (или почти не играли) в России, — факт. За исключением, пожалуй, опуса Романа Леденева, чей "Концерт-поэма" для альта с оркестром (1964), посвященный учителю Башмета Федору Дружинину, был исполнен в новой инструментовке для альта и камерного состава струнных. Но и это, без сомнения, яркое произведение, в котором красота альтового тембра и технические возможности инструмента представлены в полной мере, исполняется редко. К безусловным откровениям пера Бенджамина Бриттена можно отнести "Два портрета" — сочинение, где первый образ, динамичный, немного сумрачный, рисует струнный оркестр, второй, загадочно-лирический, живописует альт, утопая в мягком туше струнной группы. "Солисты Москвы", исполняя это сочинение, показали, что их возможности поистине безграничны.

На смену альту-солисту приходят две виолончели. Они оказываются в центре событий "Баллады", созданной современным итальянским композитором и виолончелистом Джованни Соллима. Романтический тон, помноженный на острые зажигательные ритмы "средиземноморского разлива", оттенок минималистских принципов развития — основные составляющие стиля Соллима, из которых соткано совершенно очаровательное, легкое сочинение. Дуэт Александра Князева и его ученика Олега Бугаева — диалог двух виолончелей, в котором инструменты так изысканно продолжали линии партий друг друга, что порой казалось, будто их тембр един. Совершенно иная грань современной музыки открылась нам с именем японского композитора Тору Такемицу, "Три фрагмента из музыки к фильмам" которого стали ярким диссонантным мазком в программе концерта. Но, наверное, самое удивительное открытие было связано с музыкой Георгия Свиридова. Его сочинение консерваторской поры — "Камерная симфония" (1940) — исполнялось до сих пор всего один раз. Необыкновенно светлая и динамичная музыка, в которой слышны истинно свиридовские интонации, продолжающая по-своему линию прокофьевской "Классической симфонии", она, безусловно, украсит репертуар любого камерного оркестра. Но "Солисты Москвы" с Юрием Башметом исполнили ее, как, собственно, и всю предновогоднюю программу, так, будто она была создана специально для них.

Анна ВЕТХОВА